

Такой значительный разрыв в показателях доверия к институтам власти актуализирует вопрос о его оптимальных границах. Как показывает практика, и дефицит доверия, и избыток доверия выступают барьерами на пути укрепления демократических устоев общества. Значительный дефицит доверия ограничивает возможности властей и снижает активность граждан, препятствует развитию интеграционных процессов в обществе, тормозит

принятие и реализацию конструктивных планов и задач. В то же время чрезмерное доверие к институтам государственной власти, порождая бесконтрольность и вседозволенность, может привести к произволу властей, который является первым шагом на пути к усилению авторитаризма. Поэтому, для того чтобы политическое доверие способствовало демократическому развитию, оно не должно приближаться к экстремальным значениям.

Литература

- Белянин А.В., Зинченко В.П. 2010. *Доверие в экономике и общественной жизни*. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Бурдые П. 1993. *Социология политики* (пер. с фр.; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко). М.: Socio-Logos.
- Галкин А.А., Красин Ю.А. 2003. *Россия: Quo vadis?* М.: Изд-во ИС РАН.
- Натхов Т.В. 2011. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ. — *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 15. № 3. С. 353-373. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. 1996. *Власть. Политика. Государственная служба*. Словарь. М.: Луч.
- Dalton R. 1994. Communists and Democrats: Democratic Attitudes toward Democracy in the Two Germanies. — *British Journal of Political Science*. No 24. P. 469-493.

УДК 338.22

МАРКОВ Владимир Александрович —

к.э.н., доцент, старший научный сотрудник Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, 89

Markov.saratov@mail.ru

БРОВКОВА Анна Владимировна —

аспирант кафедры статистики Саратовского социально-экономического института — филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

ПРИОРИТЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ PRIORITIES IN SOCIAL POLICY REGARDING DIFFERENTIATED CONSUMPTION

В статье анализируется состояние российской экономики и выявляется проблема ограниченных ресурсов государства для выполнения социальных обязательств. При анализе ее макроэкономического состояния авторы предлагают перейти от показателей производства и инвестиций к показателям потребления из системы национальных счетов. На этой основе исследуется структура конечного потребления у населения России. В статье показаны различия в структуре конечного потребления по децилям населения и по форме потребления. Сделаны выводы о социально-экономических последствиях социальных расходов федерального бюджета, выявлена разная эффективность социальных трансфертов в денежной и нату-

ральной форме. Автор дает рекомендации по улучшению структуры и направлений социальных расходов государства.

Ключевые слова: социальная политика, дифференциация конечного потребления, социальные трансферты, показатели неравномерности, социальные расходы федерального бюджета

The article describes the situation in the Russian economy and defined the problem of limited resources for the implementation of state social assistance. The authors proposed the transition from the system of indicators in investment and in production to the indicators of consumption from national accounts for the analysis of macroeconomic situation in Russia. The structure of final consumption of the Russian population is studied on this basis. Differences in the structure of final consumption by deciles of the population and in the forms of consumption are shown. Conclusions about social and economic consequences of social expenditures of the federal budget are made; different effectiveness of social transfers in cash and in kind is revealed. Recommendations to improve the structure and direction of state social spending are given.

Keywords: social policy, differentiation of final consumption, social transfers, uneven performance, government social spending

Состояние российской социально-экономической системы в последние 3 года характеризуется слабой положительной динамикой. Попытки власти совершенствовать рыночную активность, дать старт реиндустриализации не приносят ожидаемого отклика, а механизмы решений не являются рыночными и подлинно конкурентными. Восстановительный рост в стране, по словам министра экономического развития России А. Улюкаева [Улюкаев 2014], завершился, резервы дальнейшего развития за счет потребительского сектора исчерпаны, что требует принципиально нового уровня инвестирования в инфраструктуру. Дефицит внутренних инвестиций на фоне сложной ситуации в мире ставит под сомнение возможности привлечения капитала зарубежного бизнеса, а возможности государства ограничены. Последующие за экономической стагнацией социальные эффекты весьма серьезны, особенно для населения с невысоким уровнем благосостояния.

Нарастающая структурная безработица является дополнительным дестабилизирующим фактором, наряду с деформированной половозрастной и пространственной структурой рабочей силы. Эти явления приводят к острому дефициту кадров в тех отраслях, где внедряются так называемые критические технологии.

Таким образом, в основе стагнирующего состояния российской экономики лежат две ключевые проблемы: отсутствие должного объема инвестиций для реиндустриализации и неготовность трудовых ресурсов к переподготовке или переквалификации (инерционность).

Для решения обеих проблем вмешательство государства становится необходимым, особенно для формирования современного кадрового потенциала. Воспроизводство кадрового потенциала подразумевает расширительную трактовку, речь должна идти о формировании и развитии человеческого и интеллектуального капитала страны. В этом контексте государственный и рыночный сектор, не сливаясь, но и не противодействуя друг другу, образуют единый механизм [Ушакова 2010: 93]. Такое сочетание формирует систему регулирования общественных и частных интересов, консолидируя социальные и экономические параметры человеческого потенциала.

На развитие человеческого потенциала на микроуровне первостепенное влияние оказывает индивидуальное потребление. Индивидуальное потребление с точки зрения материального процесса – это есть процесс удовлетворения и возвышения потребностей человека, посредством которого происходит формирование его личности [Новиков, Артамонова 2009: 13]. Однако не всегда потребление эффективно для развития человека и человеческого потенциала.

В процессе развития человеческого потенциала происходит преобразование первичных потребностей в потребности более высокого порядка. Так, увеличивается роль потребления товаров и услуг развивающего характера, направленных на повышение образовательного и культурного уровня населения (так называемые опекаемые блага [Рубинштейн 2009]). Рынок не заинтересован производить опекаемые блага, поэтому про-

изводство и распределение этих благ ложится на государство. Сегодня невысокий уровень денежных доходов домашних хозяйств России ограничивает их доступ к благам более высокого порядка, увеличивая тем самым долю товаров и услуг первой необходимости. В этой связи государство не только обеспечивает производство опекаемых благ, но и формирует оптимальный с точки зрения общественного благосостояния спрос на них [Котельников 2010: 26]. В современных российских реалиях первоочередная задача государственной социальной политики – стабилизировать действие механизмов рыночной системы, а также учитывать проблемы дифференциации населения по расходам.

Избыточная дифференциация населения по уровню благосостояния оказывает губительное влияние на рациональность принятия решений в некоторых его группах. Значительная часть населения России находится в ущемленном финансовом положении, к тому же не обладает навыками эффективного хозяйствования. Государственная поддержка населения (социальные трансферты), таким образом, позволяет последнему необоснованно рисковать в экономических взаимодействиях, т.к. создает «подушку безопасности», которая немногим ниже того, чего эта часть населения способна достичь на базе своих экономических навыков.

Как показали результаты исследований, в т.ч. авторов настоящей статьи [Марков 2013], экономическая неэффективность домашних хозяйств является объективно (генетически) заложенной и может быть выявлена экспериментально. Степень неэффективности нелинейна, при превышении определенного уровня благосостояния тип поведения переключается с рискованной активности на сохранительное поведение. Исходя из существующей дифференциации доходов населения России, когда более половины жителей не относятся к так называемому среднему классу¹, деформация потребления очень велика.

¹ Среднедушевые располагаемые доходы в России на 2012 г. составляли 23,1 тыс. руб., а доля населения с доходами ниже 19 тыс. руб. – 55,6%. Росстат. Доступ: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Рынок не способен обеспечивать социальные гарантии, что вызывает избыточную поляризацию благосостояния населения и следующую за этим дезинтеграцию общества, что часто сопровождается отраслевой реструктуризацией производства [Горина и др. 2010: 17]. Как мы видим, последнее 5-летие характеризуется непрерывными и серьезнейшими структурными отраслевыми деформациями (например, финансового сектора) в поисках нового пути посткризисного развития. Очевидно, что сегодня в условиях высокой безработицы, охватившей большинство регионов мира, государственная социальная поддержка все в большей степени определяет структуру потребительских расходов.

По исследованиям Национального института статистики и экономических исследований Франции (*INSEE*), наибольшей информативностью в контексте измерения благосостояния населения обладают показатели скорректированного располагаемого дохода и фактического конечного потребления [Плато 2011: 3]. Фактическое конечное потребление включает как расходование населением собственных средств, так и пользование получаемыми от государства и некоммерческих организаций в виде трансфертов в натуральной форме² индивидуальными нерыночными услугами в области здравоохранения, образования, культуры и т.п.

Изображение дифференциации потребления населения России с помощью кривой Лоренца дает наглядное представление о выравнивающих последствиях социальной поддержки (см. рис. 1).

Как видно из графика, социальные трансферты наиболее сильно влияют на уменьшение угла α относительно угла β для первой и второй 10-процентных групп населения. Именно для них социальная поддержка имеет наибольший вес.

При анализе изменения углов отклонения α и β от линии равномерного распределения населения по потреблению для остальных групп выравнивающий эффект наблюдается вплоть до третьего дециля, а затем проявляется провал.

² Методологические пояснения. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013. – *Статистический сборник Росстат*. М., с. 400.

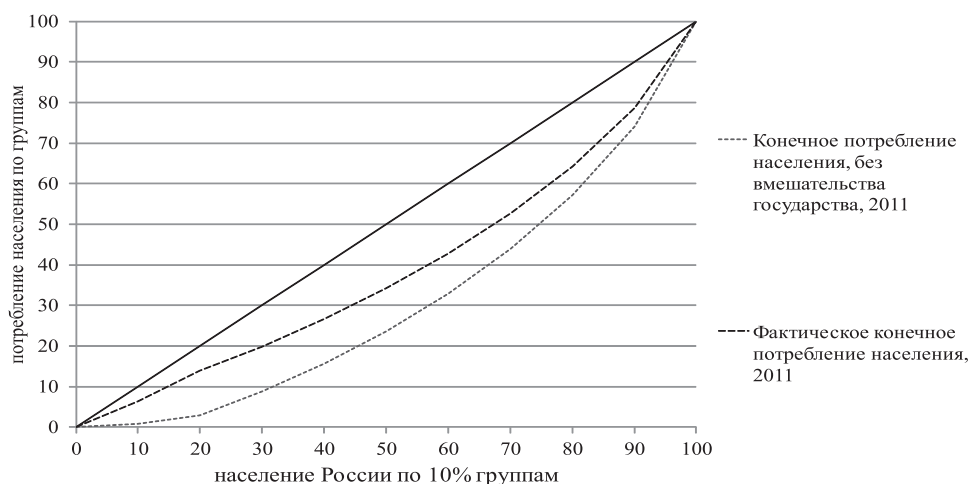

Рисунок 1. Дифференциация потребления населения России в 2011 г.

Социальная политика, таким образом, ставит наименее обеспеченные слои населения в более выгодное по сравнению со средним классом положение, т.к. последний все больше переориентируется на потребление тех же услуг образования, здравоохранения, культуры и искусства на рыночной основе. Если исследовать источники конечного потребления менее обеспеченных слоев, то выясняется, что предоставляемые пособия и аналогичные выплаты для достижения порога прожиточного минимума усиливают экономическую пассивность населения, а также вызывают рост товарного потребления. Следовательно, социальные пособия усиливают деформацию структуры потребления в сторону чрезмерного товарного потребления и недостаточного потребления услуг, в т.ч. развивающих человеческий потенциал. В этом контексте социальная поддержка населения первых трех децилей не может однозначно трактоваться как позитивная без сравнения исходной и конечной структуры потребления. На рис. 2 представлена структура фактического конечного потребления в России в разрезе источников и формы.

По абсолютной величине расходов динамика покупок услуг имеет экспоненциальный характер по группам населения, а начиная с 5-й группы она сопровождается качественной реструктуризацией в пользу услуг, способству-

ющих расширенному воспроизводству человеческого потенциала. По децильным группам населения, начиная с 5-й и по 9-ю включительно, наблюдается примерное равенство доли потребляемых услуг с постепенным замещением бесплатных услуг рыночными. В первых двух децилях, напротив, максимальный вклад в потребление услуг дает государство. Представляется, что рациональность такого потребления невелика, а социальные расходы из бюджета целесообразно частично переводить на адресную основу (по аналогии с программой *Supplemental Nutrition Assistance Program* в США¹).

Обобщая полученные выводы, можно отметить следующее.

Деформация экономического поведения малообеспеченных слоев населения, вызванная существующими механизмами социальной поддержки, снижает активность их саморазвития, ориентирует на потребительские установки и повышает импульсивность и нерациональность решений.

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов необходимо повышение адресности социальных расходов на основе статистически обоснованных регуляторов и нормативов.

Структура населения по уровню и

¹ United States Department of Agriculture. URL: <http://www.fns.usda.gov/snap/supplemental-nutrition-assistance-program-snap>

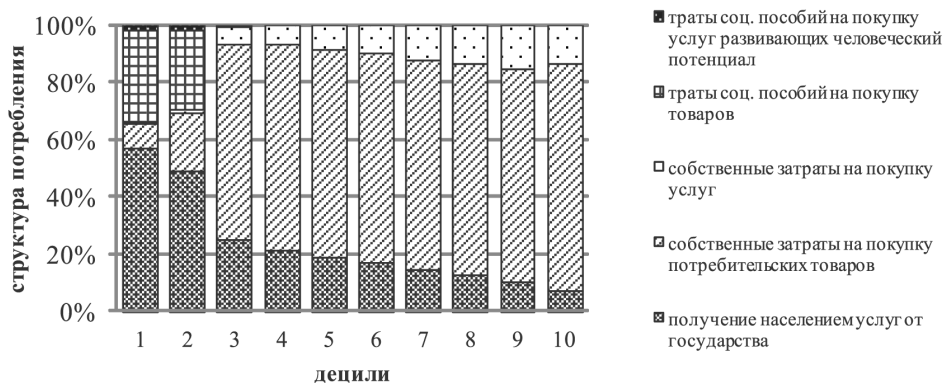

Рисунок 2. Структура источников и форма потребления населения России в 2011 г.

составу потребления сильно дифференцирована, причем дифференциация носит двойственный характер: она характеризуется избыточным выравниванием в нижних слоях населения и недостаточным – в верхних. Поэтому применение прогрессивных форм налогообложения может дать позитивный эффект.

Рост социальных расходов бюджета, как и рост базы налогообложения физических лиц, не приведет к необходимому эффекту – усилению рациональности и эффективности потребления населе-

ния. Для этого необходима дифференциация в применении существующих инструментов государственного регулирования.

Статья подготовлена в рамках проекта государственного задания Минобрнауки РФ №409-2014 «Диверсификация экономики и структуры занятости в условиях усиления влияния глобализации мировой экономики на формирование факторов долгосрочного экономического роста РФ».

Литература

Горина А.П., Земскова Е.С., Горин В.А. 2010. Дифференциация доходов населения и экономический рост в России. – *Школа университетской науки: парадигма развития*, № 1-2.

Котельников А.А. 2010. Кругооборот опекаемых благ в пофазной динамике воспроизводства. – *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, № 2.

Марков В.А. 2013. Статистический анализ влияния экономических установок и уровня субъективного экономического благополучия населения на степень рациональности потребления. – *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*, № 4.

Новиков В.А., Артамонова Ю.С. 2009. О роли образования в рационализации потребительской деятельности домашних хозяйств. *Экономика образования*, № 2.

Плато К. 2011. Два года спустя после доклада Стиглица–Сена–Фитусси: что нового в статистическом измерении благосостояния и устойчивого развития общества. – *Вопросы статистики*, № 11. С. 3-11.

Рубинштейн А.Я. 2009. К теории рынков опекаемых благ. Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ. – *Общественные науки и современность*, № 2. С. 138-150.

Улюкаев А. 2014. Мы должны обеспечить снижение рисков для инвесторов. – *Интерфакс*, 27.01. Доступ: <http://www.interfax.ru/txt.asp?id=354033> (проверено 12.02.2014).

Ушакова Э.Т. 2010. Проблемы регулирования рыночной экономики в курсах «Экономическая теория» и «Экономика общественного сектора». – *Вестник Томского государственного университета*, № 1(9).